

УДК 347.963

ПОЗОРНАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ ПРОКУРАТУРЫ ТАТАРСТАНА

*Ф.Н. Багаутдинов, доктор юридических наук,
член-корреспондент АН РТ*

Прокуратуру Татарской республики советского и постсоветского периода возглавляли многие руководители. Они были самые разные, имели свои достоинства и недостатки. Кто-то из них оставил яркий, глубокий след в истории, чья-то деятельность осталась незамеченной. Отдельных прокуроров республики помнят до сих пор, оценивая время их работы как целую эпоху. Были и прокуроры, которых сняли с высокой должности по негативным основаниям. Самая позорная страница в истории прокуратуры Республики Татарстан связана с именем прокурора Ибрагима Сайфутдиновича Надеева. Он единственный в истории прокурор республики, арестованный и осужденный за должностное преступление – получение взятки.

И.С. Надеев родился в 1912 г. в селе Ломаты Дубенского района Мордовской республики в семье крестьянина-бедняка. Его отец умер в 1918 г. В анкете Надеев указывал, что в 1920–1928 гг. вместе с матерью он работал по найму у кулаков – зажиточных селян. С 1924 г. был членом ВЛКСМ, в 1929 г. окончил школу крестьянской молодежи. В 1929–1930 гг. работал преподавателем Ломатской трудовой школы 1-й ступени в родном селе. В 1930 г. обкомом ВЛКСМ Надеев командирован в Казань на учебу в Коммунистический университет. Анкету для поступления в университет

Надеев составил в мае 1931 г. Его зачислили на комсомольское отделение. Но к учебе Надеев не приступил. Он поехал домой, чтобы сняться с учета, собрать вещи. Но вскоре прислал в университет письмо, в котором сообщал, что сильно болеет, лежит в больнице, просил дать отсрочку, обещал приехать в октябре 1931 г. Ему писали письма, слали телеграммы – приезжай учиться! Вдобавок ко всему Надеев потерял студенческое удостоверение. В конце концов в январе 1932 г. Надеева исключили из университета за непосещение занятий.

В 1931 г. Надеев вступил в ВКП(б), был рекомендован Дубенской и Казанской организацией комсомола и старыми коммунистами (Косов и другие). В 1932–1933 гг. он работает директором школы ФЗУ на базе 9-летки при строительстве фабрики киноплёнки № 8 в г. Казани.

В марте 1933 г. Надеев мобилизуется Казанским горкомом на работу в органы юстиции – помощником начальника исправительно-трудового учреждения по политико-воспитательной части (УИТУ НКЮ ТАССР). В начале 1934 г. Надеев работал начальником политико-воспитательной части лесозаводов УИТУ ТР. Лесозавод входил в Центральную фабрично-заводскую колонию. Надеевым составлен отчет по состоянию на 1 января 1934 г. о политико-моральном состоянии сотрудников лесозавода.

В Казанской Центральной фабрично-заводской исправительно-трудовой колонии в 1933–1934 гг. проходили производственную практику студенты Казанского института советского права. По материалам практики они написали дипломные работы. При этом в некоторых работах встретились политические ошибки. В частности, 27 июня 1934 г. студентка Оффенгенден защищала дипломную работу по теме «Труд как средство перевоспитания в ИТУ». В ее работе нашли политически неверное предложение, навеянное производственной практикой: о необходимости снижения норм хлеба для отлынивающих от работы осужденных.

4 июля 1934 г. защищал дипломную работу студент Н.Иванов – по той же теме: «Труд как средство перевоспитания в ИТУ». В его дипломной работе тоже нашли недостатки, и также навеянные производственной практикой: в частности, политически неверное положение о проведении в стенах ИТУ лозунга: «Кто не работает, тот не ест». Как выяснилось впоследствии, перед практикантами такую теорию развивал работник колонии Надеев. Консультант по дипломной работе указал на политическую неверность этих предложений и предлагал выбросить их из работы, но студенты не исправили ничего. При разборе дипломных работ студенты признали свои ошибки, объяснив их установками работника КФЗТК Надеева¹.

Из УИТУ Надеева командировали в Москву на учебу в школу высшего начсостава ГУИТУ РСФСР. Как он указывал в автобиографии, в школу его не приняли по состоянию здоровья и из-за непрохождения службы в РККА. В это время происходит реорганизация органов ИТУ и Надеев по решению ЦК направляется на прокурорскую работу в Узбекистан. Здесь он работает в 1934–1939 гг. прокурором

городов Бехбуди-Карши, Шахризабз, прокурором Кашко-Дарьинского округа, прокурором по спецделам прокуратуры Узбекской ССР. Последнее время он занимал достаточно высокую должность – исполняющий обязанности начальника следственного отдела прокуратуры Узбекской ССР.

Как видно из этих данных, в Узбекистане Надеев быстро вырос по служебной лестнице. По его словам, он отмечался, поощрялся за образцовую постановку работы в прокуратуре города Шахризабз, а также за активную работу по борьбе с кулацким саботажем и содействие успешному выполнению плана сдачи хлопка государству.

Как на самом деле проявил себя в Узбекистане Надеев, мы не знаем. Все изложенные здесь сведения взяты из его анкеты и автобиографии, которые он составил сам. Какая-либо характеристика в его личном деле отсутствует.

В апреле 1939 г. Надеев отзывается в распоряжение прокуратуры СССР – по его заявлению. Видимо, он просил направить его в Татарскую республику. И.С. Надеев прибыл в Казань с удостоверением прокуратуры РСФСР от 13 мая 1939 г. с предложением о принятии его на работу помощником прокурора Татарской АССР. 19 мая 1939 г. Надеев назначается начальником гражданского судебного отдела. Прокуратура СССР утвердила это решение.

29 января 1940 г. приказом прокурора республики Перова Надеев назначается исполняющим обязанности начальника следственного отдела. 17 июня 1940 г. Надеев назначается исполняющим обязанности заместителя прокурора Татарской АССР.

Быстрый рост Надеева в прокуратуре Татарской республики, возможно, объяснялся тем, что перед войной многие сотрудники были призваны в

армию. В частности, должность начальника следственного отдела освободилась в связи с призывом в РККА Б.С. Сунгатуллина.

Перов представляет кандидатуру Надеева в Татарский обком партии на утверждение в должности заместителя прокурора Татарской республики и пишет, что он «растущий работник, достаточно инициативный, требовательный, пользуется авторитетом. Политически развитый, в 1932 г. окончил Татарский коммунистический университет. Идеологически устойчив».

Надеев проходит спецпроверку и 16 июня 1940 г. утверждается бюро Татарского обкома в должности заместителя прокурора республики. Что это, интересно, за спецпроверка, которая даже не смогла выявить факт отчисления Надеева из Коммунистического университета?

Вскоре Надеев утверждается и прокурором РСФСР. При этом в характеристике, представленной прокурору РСФСР, указывается образование Надеева: «Общее – ниже среднего, политическое – в 1932 г. окончил 2-годичное отделение Татарского коммунистического университета; юридического образования не имеет». В другой характеристике уточнялось, что общее образование Надеева составляет семилетнее обучение в школе.

Очевидно, что в те времена наличие политического образования ценилось больше, чем юридического. На самом деле, зачем прокурору юридическое образование, если он имеет политическое образование и правильно понимает и проводит политику партии?!

Документы на Надеева в Москве ходили долго. Лишь 3 февраля 1941 г. прокурор СССР назначил его на должность заместителя прокурора Татарской АССР.

В сентябре 1940 г. прокурор Татарской АССР Перов направляет заявление Надеева директору Казанского филиала заочной правовой академии – с просьбой зачислить его на третий курс. При этом указано, что Надеев до 1934 г. состоял студентом заочного сектора Казанского института советского права и в связи с командированием в Москву, а затем и в Узбекистан был вынужден прервать учебу. Перов просит восстановить Надеева на учебе. И с 1941 г. Надеев зачисляется студентом.

Следует отметить, что прокурор Татарской АССР Перов в целом оценивал работу Надеева положительно. Как заместитель прокурора, Надеев проводил кустовые совещания районных прокуроров, выполнял обобщения и другие поручения. Правда, в справке о работе Надеева от 24 сентября 1940 г. Перов указал, что Надеев сделал неправильные выводы из проведенного им обобщения по реализации Указа Президиума Верховного Совета от 26 июня 1940 г. Со слов Перова, Надеев сделал вывод о якобы большой работе, проделанной органами прокуратуры, тогда как налицо были серьезные извращения Указа. Как отметил прокурор республики, ошибочное мнение Надеева не получило распространения и после разъяснения он стал проводить правильную точку зрения. Возможно, что это замечание Перова свидетельствовало о склонности Надеева приукрашивать истинное положение дел.

26 декабря 1940 г. Перов своим приказом закрепляет за Надеевым руководство отделами общего надзора, милиции, местами заключения, гражданско-судебным, разрешение хозяйственно-финансовых вопросов (финансовый сектор и управление делами).

После начала Великой Отечественной войны Надеев обратился к воен-

ному прокурору Московского военного округа – с просьбой о призыве его в органы военной прокуратуры МВО. Военный прокурор запросил прокурора Татарской АССР (а им был уже Д.Н. Исупов) его мнение по этому поводу.

Исупов ответил, что Надеев является татаринном, другой заместитель по специальным делам и прокурор республики не владеют татарским языком. Подобрать в настоящее время подходящего заместителя Исупов не мог – многие ушли на фронт. Поэтому Исупов не дал согласия на призыв Надеева.

Во исполнение решения бюро Татарского обкома ВКП(б) от 11 марта 1942 г. Надеев как заместитель прокурора Татарской АССР был направлен для расследования дела об антигосударственной практике руководителей Сармановского района. Преступление заключалось в составлении фиктивных документов о хлебозаготовках колхозами Сармановского района. Надеев с поручением справился. Под суд были отданы руководители района, председатели колхозов, директор Петровского спиртзавода и другие.

В июле 1942 г. Надеев был мобилизован в Кайбицкий и Нурлатский районы по проведению уборки урожая и заготовки сельскохозяйственных продуктов.

Прокурор Татарской АССР, судя по составленным в декабре 1941 г., марте 1942 г. характеристикам, был хорошего мнения о работе Надеева. В марте 1942 г. Исупов направил характеристику на Надеева в прокуратуру СССР для поощрения за честную, энергичную и инициативную работу.

В феврале 1944 г. Надееву присваивается классный чин старшего советника юстиции.

Удивительно, но перед этим, в январе 1944 г., заполняя личный листок по учету кадров, заместитель проку-

рора ТАССР И.С. Надеев указал, что с 1930 по 1932 г. он учился в Татарском коммунистическом университете, и в графе: «Окончил или нет», своей рукой написал: «да».

Однако, как следует из приведенных нами архивных документов, Надеев Татарский коммунистический университет не закончил. И он в нем почти не учился, был отчислен за непосещение занятий. В личном деле прокурора Надеева нет какого-либо документа (диплома, свидетельства) об окончании Татарского коммунистического университета. Может быть, никто у него этого и не требовал?

Приходится констатировать, что Надеев совершил самый обычный обман. Не имея практически никакого образования, он работал на ответственных должностях, в том числе и в прокуратуре.

Интересно, что уже в это время в характеристиках на Надеева появляются отдельные отрицательные моменты. В частности, прокурор Татарской республики Ардерихин в 1944 г. писал, что Надеев недостаточно проводил работу по надзору за выполнением Указов от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г., не принял достаточных мер, направленных на усиление надзора за Верховным судом. И что Надеев проявляет в работе инициативу и активность, однако недостаточно. В то же время Ардерихин в конце характеристики делает вывод о том, что Надеев «по практическому опыту и знаниям прокурорской работы, а также по уровню развития подготовлен к выдвижению на самостоятельную работу».

В июле 1945 г. Надеев сдал государственные экзамены в Казанском филиале Всесоюзного юридического заочного института и, наконец, получил юридическое образование. Причем юридический институт он закончил отличником!

В 1945 г. новый прокурор Татарской АССР Садовников отмечает в характеристике, что Надеев «не всегда нормально воспринимает критические замечания».

В 1945 г. Надеев получил высокую государственную награду – орден Трудового Красного Знамени.

В августе 1945 г. прокурор Садовников сообщал в Москву, что Надеев второй месяц болеет. В это время происходят важные события – Москва требует характеризующие документы на Надеева. И 16 декабря 1946 г. Надеев назначается прокурором Татарской АССР. Приказ подписывает Генеральный прокурор СССР К.П.Горшенин.

28 апреля 1947 г. приказом Генерального прокурора СССР Горшенина Надееву присваивается классный чин – государственного советника 3 класса. В мае 1947 г. в связи с 25-летием органов прокуратуры и за большие заслуги в деле осуществления социалистической законности и укрепления советского правопорядка Надеев награждается орденом Отечественной войны 1-й степени. В 1947 г. Надеев избирается депутатом Казанского городского Совета депутатов трудящихся.

Таковы сведения, почерпнутые из архивного личного дела прокурора Татарской АССР И.С.Надеева².

Надеев активно публиковался в печати. Сам ли он писал статьи, либо писали за него, не знаю. В частности, в «Блокноте агитатора» (1948 г., № 23) была опубликована большая статья Надеева «Ленин и Сталин о социалистической законности». Она вышла под грифом отдела пропаганды и агитаторства Татарского обкома ВКП(б). В статье большое число ссылок на работы, речи, высказывания Ленина и Сталина. Статья была издана для использования ее агитаторами.

В 1949 г. Надеев опубликовал в журнале Прокуратуры СССР «Социалистическая законность» статью под названием: «Идейно-политическое воспитание прокурорско-следственных работников Татарской АССР». В ней прокурор Татарской АССР подробно рассказывал о том, какая большая работа проводится по изучению работниками прокуратуры марксизма-ленинизма, повышению своего идейно-теоретического уровня и юридической квалификации. Партийное просвещение, лекции, кружки, учеба в юридических институтах и многое другое – все это, очевидно, на самом деле имело место. В конце статьи Надеев самокритично признал: «У нас еще много недостатков, у нас еще есть отдельные политически отсталые работники, не занимающиеся повышением своего идейно-политического уровня и юридической квалификации»³.

Как в воду глядел. Вскоре и сам Надеев оказался в числе таких «отдельных политически отсталых работников».

Итак, мы ознакомились с биографией И.С.Надеева, сделали некоторые выводы из имеющихся архивных и иных документов. Перейдем сейчас к событиям, предшествовавшим возбуждению уголовного дела и аресту прокурора Татарской республики Надеева.

Непосредственный участник событий тех лет, прокурорский работник Абдулла Ханович Валиев, перешагнувший столетний рубеж, здравствующий и сегодня, первым написал об этом деле и поведал собственную версию событий. В то время Валиев работал в центральном аппарате прокуратуры ТАССР, был в курсе многих дел и событий. Приведем в полном объеме очерк А.Х.Валиева.

* * *

Деньги из мыла

В послевоенные годы в Казани были распространены опасные преступления, в том числе хищения государственного и общественного имущества. Для борьбы с ними в органах МВД были созданы отделы по борьбе с хищениями (ОБХСС). Как известно, они оправдали свое назначение. Одним из самых громких дел тех лет, заведенных по материалам ОБХСС, стало дело по обвинению Ю. Гришкана.

В Казани жили два брата Гришкана: младший Юрий заведовал мыловаренным цехом в промысловой артели инвалидов «Трудовик», а старший Григорий – киоском на колхозном рынке по улице Кирова, где реализовывалось мыло из цеха младшего брата.

Как было установлено при расследовании указанного дела, в годы войны жидкое мыло продавалось через киоск Григория по цене 300–400 рублей за один стакан. При таких ценах братья Гришканы должны были бы приносить большой доход для промартели. Однако они из выручки от реализации мыла сдавали артели лишь половину суммы, остальное похищали.

Юрий Гришкан для производства мыла установил связь с работниками мыловаренного комбината им. Вахитова, через которых здесь получал сырье (кость) для мыловарения в своем цехе. Было установлено, что специалисты по сырью (по костным делам) по преступной договоренности с Гришканом каждый раз при отпуске сырья артели из склада комбината снижали коэффициент жирности, что давало возможность Гришкану сдавать артели лишь часть изготовленного мыла соответственно коэффициенту. Таким образом, в результате фальсификации коэффициента сырья у братьев Гришканов создавался большой

доход (в миллионы рублей). Ревизия и экспертиза, проанализировав по заданию ОБХСС фактические данные о движении сырья для варки мыла, дали заключение о том, что братья Гришканы путем прямого хищения готовой продукции только в последний год причинили промысловой артели инвалидов материальный ущерб на сумму более двух миллионов рублей. Такая преступная деятельность Гришкана продолжалась долгие годы.

При расследовании уголовного дела было установлено, что Юрий Гришкан вел разгульный образ жизни, сорил деньгами. Посещая ресторан «Татарстан» с дамой, он вносил в кассу ресторана предполагаемую сумму от всех клиентов за вечер, удаляя из ресторана всех посетителей, оставаясь там на вечер лишь один со своей дамой сердца. Он же, как было установлено, нередко на улице Баумана останавливал красивых женщин и, насильно целуя их, вручал им по сторублевой купюре, чтобы они не поднимали шум. На основании собранных материалов МВД Татарстана в августе 1949 г. было возбуждено уголовное дело по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», который предусматривал наказание до 25 лет лишения свободы.

Многоопытный в жульнических делах Ю. Гришкан, почувствовав наступающую опасность, как спрут, решил запустить свои щупальца и проверить прочность установленных им ранее контактов с людьми, которые могут нейтрализовать опасность. Он прежде всего возобновил свою связь с работником МВД республики майором Н. Михеевым. Ему было известно, что Михеев давно состоит в семейной дружбе с прокурором республики И. Надеевым.

В описываемое время мы, работники прокуратуры республики, стали замечать частое посещение кабинета прокурора республики Ибрагима Сайфутдиновича Надеева одним майором в форме офицера внутренних дел. Он приходил раза два-три в неделю и долго отвлекал прокурора от казенных дел.

Оказалось, что этот майор работает в управлении мест лишения свободы Министерства внутренних дел, которое расположено во дворе прокуратуры республики. Что связывало майора Михеева с прокурором республики Надеевым, долгое время оставалось тайной.

Старший следователь прокуратуры республики М. Губерман, имевший большой стаж и опыт работы, пользовался доверием у руководства. Поэтому многие сложные и важные дела расследовались им. Когда нужно было по заданию прокуратуры РСФСР командировать нашего следователя в Уфу для расследования уголовного дела, возбужденного против одного члена Верховного суда Башкортостана, выбор пал именно на М. Губермана. Завершив исполнение этого задания в течение двух месяцев, М. Губерман в августе 1949 г. возвратился в Казань и приступил к исполнению своих обязанностей.

К этому моменту по запросу следственного отдела прокуратуры республики уголовное дело, возбужденное на работников артели инвалидов «Трудовик», поступило из МВД в прокуратуру республики и начальником этого отдела Б.С. Сунгатуллиным было передано М. Губерману для расследования.

Как требуют предписания закона и методические указания, следователь по каждому делу составляет план расследования, определяет круг обвиняемых, ведет сбор доказательств. Такой план был составлен и следователем

М. Губерманом по делу работников артели инвалидов «Трудовик».

Вызовы на допросы работников артели породили у них предположения, кто и за что, возможно, будет привлечен к уголовной ответственности. Следователь М. Губерман с помощью экспертов и ревизоров старался вникнуть в суть методов хищения при варке и реализации мыла, определить круг лиц, причастных к этому преступлению. Столь опытному следователю не составило труда определить в качестве главных виновников по делу братьев Гришканов, которые в течение последних лет путем фальсификации выхода мыла из сырья – кости – создавали неучтенную продукцию для хищения. Утвердившись в этом мнении, М.Губерман доложил начальнику следственного отдела Б.Сунгатуллину о том, что работники ОБХСС, пожалуй, правильно возбудили дело по признакам статьи 2 Указа от 4 июня 1947 г.

Выслушав доклад следователя, Б. Сунгатуллин сообщил ему, что только вчера этим делом интересовался прокурор республики И.С. Надеев и что он высказал свои сомнения в правильности мнения работников МВД в части квалификации действий работников промартели. Поскольку мнение следователя базируется на конкретных материалах дела, как объяснял потом Б.С. Сунгатуллин, он не стал переубеждать его, предложив доложить дело лично И.С. Надееву. Через день М. Губерман доложил начальнику отдела, что он получил от прокурора республики указание расследовать это дело по статье 109 УК РСФСР как должностное преступление.

Действительно, в октябре М. Губерман завершил расследование этого дела, по которому обвинялся только лишь Ю. Гришкан за злоупотребление, а в отношении эксперта-специа-

листа, давшего заключение по сырью для варки мыла, М. Губерман вынес постановление о привлечении его к дисциплинарной ответственности. По положению по уголовным делам, расследованным следователем прокуратуры, обвинительное заключение утверждается руководителем прокуратуры. М. Губерман дело Ю. Гришкана доложил лично И.С. Надееву, но тот тут же позвонил и предложил начальнику следственного отдела Б.С. Сунгатуллину утвердить обвинительное заключение и дело направить в народный суд по подсудности. Так дело по обвинению Ю. Гришкана попало для рассмотрения в народный суд 2-го участка Бауманского района г. Казани.

Судья Х., тщательно изучив дело, назначил его к слушанию с участием сторон обвинения и защиты. На судебных заседаниях, которые продолжались два дня, обвинение поддерживал прокурор Бауманского района Николаев, настаивавший на осуждении Ю. Гришкана по статье 109 УК. Однако суд вместо обвинительного приговора вынес определение о возвращении дела прокуратуре республики для доследования, причем по признакам обвинения Ю. Гришкана по статье 2 Указа от 4 июня 1947 г.

О таком исходе дела районным прокурором Николаевым было доложено лично И.С. Надееву, поскольку речь шла о престиже прокуратуры республики. Выслушав доклад Николаева, Надеев дал указание опротестовать определение народного суда на предмет его отмены. Протест подписал районный прокурор Николаев. С протестом это дело поступило в Верховный суд, и оно для изучения и подготовки к слушанию на уголовной коллегии было передано квалифицированному и опытному члену этого суда Сергееву. По докладу последнего коллегия Верховного суда со-

гласилась с протестом прокурора и отменила определение народного суда, а дело направила для рассмотрения, видимо, для объективности, в народный суд Свердловского района. В декабре это дело было рассмотрено под председательством народного судьи Анны Чернышовой. Юрий Гришкан был признан виновным в систематическом злоупотреблении служебным положением и ему за это назначен срок – 3 года лишения свободы с частичным возмещением причиненного ущерба. Прокуратура с приговором народного суда Свердловского района согласилась, и приговор вошел в законную силу.

Многих работников ОБХСС возмутил такой либеральный исход. Их возмущения особенно усилились после того, когда Ю. Гришкан через 8 месяцев был досрочно освобожден и появился на улицах Казани.

Тогда же нам, работникам прокуратуры, стало известно, что к этому делу стал проявлять интерес заведующий отделом Казанского горкома партии Н.А. Суганов. Он неоднократно приглашал к себе для беседы начальника следственного отдела Б.С. Сунгатуллину, следователя М. Губермана, судью, рассматривавшего дело Ю. Гришкана, и других лиц, имевших отношение к этому делу.

Вмешательство партийных органов в установление истины по этому делу происходило не без интереса сотрудников ОБХСС, МВД, а также КГБ.

Как нам стало известно, из народного суда Свердловского района г. Казани уголовное дело Ю. Гришкана было истребовано прокуратурой СССР. Вслед за этим мы узнали, что приговор в отношении Ю. Гришкана в порядке надзора был отменен, а дело принято для расследования в производство прокуратуры СССР. Вскоре с этим делом в Казань приехал следова-

тель по особо важным делам прокуратуры СССР Булаев.

Булаев работал по этому делу не в здании прокуратуры ТАССР, а в здании МВД. Вместе с ним приехала группа работников прокуратуры СССР и РСФСР. Бросилось в глаза, что все эти работники занялись сбором информации о сотрудниках прокуратуры республики и районов. Булаев в Казани жил более двух месяцев, но в прокуратуру республики заходил редко, и то только накоротке к заместителю прокурора республики М.И. Березову.

В один из дней прокурор республики И.С. Надеев был арестован. Видимо, чтобы обеспечить негласность данного чрезвычайного случая, эту операцию Булаев провел очень тактично и осторожно. К концу рабочего дня он на машине у здания прокуратуры поджидал выхода И.С. Надеева. Когда тот вышел, Булаев предложил сесть в машину, чтобы отвезти его домой. Таким образом, тихо, без огласки И.С. Надеев был доставлен в МВД РТ, и там ему было объявлено об аресте.

До конца следствия И.С. Надеев содержался в следственном изоляторе КГБ. Санкция на его арест была получена в Москве.

Мы об этом случае узнали только на третий день от М.И. Березова. Через 10 дней после этого Булаев пришел в прокуратуру республики и узкому кругу работников прокуратуры сообщил, что дело расследуется успешно, и И.С. Надеев собственноручно написал объяснение о получении через майора Михеева 100 тысяч рублей. Правда, это Надеев преподнес как случайность, и показал на допросе следующее:

«Однажды ко мне домой пришел Михеев, моей жены не было дома. Мы о чем-то беседовали, попили чай, и он, попрощавшись, ушел. После его ухода я заметил, что на моем письменном

столе лежит узелок. Я подумал, что Михеев его забыл, поинтересовался и развернул узелок, увидел кучу денег, оказалось – 100 тысяч рублей. Подумал, что Михеев вспомнит и придет за ними. Но он ко мне больше не приходил, а я ему не напоминал. Деньги остались у меня. Через 5 дней мы с женой поехали отдыхать в Крым. Боясь оставлять дома такую большую сумму денег, я их взял с собой. Однако это меня не успокоило. Поэтому по пути заехал к брату, проживающему в Мордовии, и вместе с ним эти деньги закопали в его саду. Через некоторое время, после приезда из Крыма, я попросил его привезти эти деньги мне. Так они и остались у меня. В этом случае я не вижу взятки. Майору Михееву я ничего не обещал, а он у меня ничего не просил».

Ознакомив нас с этим пояснением И.С. Надеева, Булаев также сообщил, что для проверки показаний он вызвал его брата. На допросе последний отрицал даже встречу с братом. На очной ставке И.С. Надеев полностью подтвердил свои показания. Брат его, выслушав признания, возмутился и грубо обругал Надеева за такую откровенность, но затем был вынужден полностью подтвердить, как приезжал брат с деньгами, и как он закапывал их в саду.

Эти два уголовных дела расследовались параллельно – одно по обвинению Ю. Гришкана и его компании по Указу от 4 июня 1947 г., и второе дело по обвинению семи юристов: прокурора республики, следователя прокуратуры, судей и адвоката.

Обвинение И.С. Надеева, кроме показания основного свидетеля Михеева – прямого посредника организации передачи взятки от Ю. Гришкана прокурору республики, было подтверждено целым рядом незаконных действий самого И.С. Надеева, направленных на смазывание пре-

ступления Гришкана: это изъятие из МВД уголовного дела, возбужденного ОБХСС на Ю. Гришкана по Указу от 4 июня 1947 г.; передача этого дела для расследования старшему следователю прокуратуры республики М. Губерману с прямым указанием обвинения Ю. Гришкана по статье за должностное преступление, а не как хищение; это указание Надеева опротестовать определение народного суда Бауманского района о возвращении уголовного дела на Ю. Гришкана для доследования по Указу от 4 июня 1947 г.; наконец, уклонение И.С. Надеева от утверждения обвинительного заключения по делу Ю. Гришкана по статье 109 УК РСФСР.

В ходе следствия также было установлено, что Ю. Гришкан в связи с проявлением активности работников ОБХСС за его деятельностью в артели инвалидов вошел в контакт с работниками республиканской инспекции по качеству хлебопродуктов в лице инспектора Биндиевского, через которого он организовал передачу взятки старшему следователю прокуратуры М. Губерману 3000 рублей за то, чтобы он завершил расследование дела Гришкана с квалификацией как за злоупотребление. Когда дело по обвинению Ю. Гришкана за злоупотребление было направлено в народный суд 2-го участка Бауманского района, он поручил своей невесте А. Мануиловой войти в контакт с народным судьей 1-го участка Бауманского района Маскалевой и передать ей 20 тысяч рублей. Из них 10 тысяч – народному судье 2-го участка, который будет рассматривать его дело по статье 109, чтобы он не изменил квалификацию обвинения, а остальные 10 тысяч – самой Маскалевой за ее услуги.

Когда дело с протестом районного прокурора Николаева было передано в Верховный суд республики, Ю. Гришкан своего агента Биндиевско-

го направил в Верховный суд к члену суда Сергееву для передачи 3000 рублей за то, чтобы тот удовлетворил протест прокурора и дело направил на новое рассмотрение по статье 109 УК в народный суд Свердловского района. Выполняя поручения Ю. Гришкана, тот же Биндиевский встретился с адвокатом Максом Чернышовым и передал 3000 рублей для его жены, судьи Свердловского района Анне Чернышовой, которой было передано дело Ю. Гришкана с определением Верховного суда для рассмотрения по статье 109 УК.

Все перечисленные юристы во главе с Надеевым были осуждены Верховным судом РСФСР. Суд заседал два дня. И. Надеев на процессе вел себя вызывающе грубо, пытался представить себя психически больным. Суд дважды приглашал психиатров для его освидетельствования. Судом И.С. Надеев был осужден к 10 годам лишения свободы с лишением всех званий. Он отбыл чуть больше двух лет наказания и был освобожден досрочно по известному акту об амнистии 1953 г.

После освобождения он два раза обращался в Татарский обком партии о восстановлении его в членах партии, но его просьбы были отклонены. Он до своей кончины (в 2001 г.) работал на заводе «Теплоконтроль» юрисконсультom, а последние годы – начальником отдела кадров.

Ю. Гришкан был осужден по Указу от 4 июня 1947 г. к 20 годам лишения свободы с возмещением причиненного ущерба промысловой артели инвалидов «Трудовик».

Дело по обвинению прокурора Республики Татарстан И.С. Надеева за взятку в то время в России, пожалуй, было единственным. Это позорное дело было завершающим актом подрыва авторитета правоохранительных органов Татарстана⁴.

* * *

В очерке А.Х. Валиева некоторые фамилии участников тех событий указаны неточно. В частности, взятку Надееву передал не Михеев, как пишет Валиев, а Михалев. Имеются и другие отдельные неточности. Но суть дела изложена в целом правильно.

С большим трудом, в результате длительной переписки мне удалось истребовать и получить копии основных документов по делу Надеева и других – обвинительное заключение следователя Булаева и приговор Верховного суда РСФСР. Должен отметить, что версия событий, изложенная А.Х. Валиевым, в целом и основном не расходится с этими главными документами по делу.

Попробуем дополнить рассказ ветерана прокуратуры А.Х. Валиева собственными данными, почерпнутыми из различных архивных документов, уголовных дел и других источников.

Как уже было отмечено А.Х. Валиевым, важную роль в этой истории сыграл заведующий административным отделом Казанского горкома партии Суганов. В свое время он учился в Казанском юридическом институте, был здесь секретарем парткома. В 1936 г. Суганов становится инструктором Бауманского райкома партии.

10 июня 1949 г. народный судья народного суда 3-го участка Свердловского района г. Казани Чернышева вынесла приговор по делу братьев В. и А. Гришкан, Мануилова – по статье 2 Указа от 4 июня 1947 г. и по статье 109 УК РСФСР. Она осудила Гришкана Владимира к 2 годам лишения свободы, а Гришкана Александра – на 10 лет лишения свободы. Мануилов приговаривается к исправительно-трудовым работам и освобождается из-под стражи.

Приговор оказался мягким, о чем сразу же поступил сигнал заведующему административным отделом Казанского горкома партии Н.А. Суганову. Тот, недолго думая, истребовал дело в горком для ознакомления. Перепуганная судья Чернышева исполнила требование Суганова, и на другой день после вынесения приговора, то есть 11 июня 1949 г., принесла дело Суганову. Представьте себе состояние Чернышевой, тем более, если она, как установило потом следствие, получила взятку за вынесение мягкого приговора по мягкой статье.

На Суганова пошли жалобы, сигналы: что он вмешивается в дела судебных органов, в вынесение приговоров и решений, вызывает в горком отдельных судей, разговаривает с ними по делам, дает им указания. На него в этот период было написано более 30 анонимок! Целая бригада Татарского обкома проверяла заявления на Суганова. В результате его сняли с работы заведующего административным отделом, и даже пытались возбудить на него уголовное дело. Подняли и предыдущую партийную деятельность Суганова – когда, за что наказывался, снимался с работы, в частности, в последний раз с должности первого секретаря Зеленодольского горкома ВКП(б).

Суганов действительно нарушил закон: ведь никто не имел права истребовать из суда дело до истечения пятидневного срока, установленного для принесения кассационной жалобы или внесения протеста. Суганов потом утверждал, что допустил это нарушение закона по незнанию закона, по неопытности.

Решением бюро Татарского обкома ВКП(б) от 31 августа 1949 г. Н.А. Суганову указали на допущенные им неправильные действия при разборе сигналов и жалоб, элементы грубости в отношении отдельных судебных

ных работников⁵. Исходя из мягкости наказания Суганову, можно сделать вывод о том, что он был на правильном пути, и в партийных верхах продолжали невидимую работу.

Интересно, что Суганов указывал на то, что адвокат Лувиш, работая директором Казанского филиала заочного юридического института, выдавал за взятки дипломы об окончании юридического института. Это его сообщение впоследствии было признано подтвердившимся. Не здесь ли кроется отличная учеба Надеева и получение им диплома Казанского филиала заочного юридического института? Вопросы возникают интересные. Только, к сожалению, ответов на них мы уже вряд ли найдем.

Лувиш впоследствии работал адвокатом. Именно он выступал в качестве защитника в суде в июне 1949 г., когда судья Свердловского района Чернышева осудила братьев Гришкан и Мануилова. Когда встал вопрос о партийной ответственности Лувиша, он скрылся из Казани.

В октябре 1949 г. секретарь Татарского обкома Дэльвин направляет прокурору РСФСР уголовное дело по обвинению В.М. Гришкан и других – «согласно договоренности». Одновременно секретарь Татарского обкома Муратов просит секретаря ЦК ВКП(б) Маленкова поручить расследование дела Гришкана и других квалифицированным работникам следственного аппарата прокуратуры СССР.

При этом Татарский обком утверждает, что расследование этого дела в прокуратуре Татарской республики и его рассмотрение в местных судебных инстанциях проведены неправильно, в результате чего шайка преступников не понесла заслуженного наказания, а государству не был возмещен нанесенный ущерб.

Как уже отмечал А.Х. Валиев, незадолго до случая в Татарии произошло ЧП в Башкирии. В 1949 г. там прошел судебный процесс над бывшим составом Верховного суда БАССР и некоторыми руководящими работниками прокуратуры БАССР, обвиняемыми во взяточничестве и других преступлениях. Расследование по Верховному суду БАССР проводил старший следователь прокуратуры Татарской АССР Губерман – по поручению прокурора РСФСР. Говорят, что расследование он провел быстро и качественно, виновные были осуждены. Удивительно, но посадив взяточников в Верховном суде Башкирской АССР, Губерман сам попался на этом же в Казани. В одной из партийных справок Татарского обкома (октябрь 1949 г.) было отмечено, что Губерман проводил следственные действия по делу Гришкан «утонченными методами опытного фальсификатора».

По протесту прокурора РСФСР Баранова приговор по делу Гришкан был отменен и дело направлено на дополнительное расследование. Дело принял к своему производству следователь К.В. Булаев.

Следователь по важнейшим делам при Генеральном прокуроре СССР К.В. Булаев был весьма опытным и сильным следователем. Он расследовал в самых различных городах и республиках множество сложных дел, в основном хозяйственных. Во время Великой Отечественной войны по поручению советского правительства следственная бригада во главе с Булаевым проводила расследование дела о хищениях на строительстве электростанции в Казахстане. При этом были доказаны факты крупных хищений со стороны начальника строительства, директора столовых и других лиц, которые были осуждены. Расследовал Булаев и дела о выпуске на предпри-

ятях недоброкачественной продукции (брака).

Расследуя дело о хищениях большой партии мануфактуры, следователь Булаев лично спустился, используя веревку, в стометровый дымоход здания, где было совершено хищение. Опасный спуск длился около двух часов. Дойдя до конца, Булаев разобрал свежую кирпичную кладку и обнаружил комнату, прилегающую к котельной. Оказалось, что преступники перетащили похищенное через дымоход и подземный ход. Вот так работал следователь Булаев. Товарищи отмечали в нем неиссякаемую инициативу, изобретательность и смекалку.

Именно К.В. Булаев выступил летом 1949 г. на конференции государственных обвинителей с докладом о методике расследования уголовных дел о взяточничестве.

В его активе – уголовное дело о краже шерсти в Москве во время Великой Отечественной войны. Тогда на рынках появилось в продаже много шерстяных джемперов. А шерсть отпускалась только на нужды армии, и больше никуда. Значит, шерсть воровали с государственных складов. Булаев лично посещал рынки, торговую палату, проверял фабрики и артели и нашел фабрику, в которой и производились шерстяные джемпера. Основной обвиняемый по этому делу пытался симулировать сумасшествие. Булаев при повторном тщательном обыске его квартиры обнаружил тайники с ценностями. Следствие установило, что шерсть, предназначенная для армии, пускалась на изготовление джемперов, которые путем сложных комбинаций продавались спекулянтам⁶. Вот такому следователю было поручено расследование в Казани, сначала – дела на Гришкан, а затем и прокуратура республики Надеева.

Одновременно из Москвы прибыла комиссия по проверке деятельнос-

ти прокуратуры Татарской АССР. В день ее прибытия Надеев срочно уволил своего водителя. Говорят, что тот впоследствии дал ценные показания о небескорыстной работе бывшего шефа. Проверкой занимались следователь по важнейшим делам при Генеральной прокуратуре СССР Хивцов, заведующий административным отделом Татарского обкома ВКП(б) Семенов и другие.

В ходе этой проверки в мае 1950 г. с заявлением на имя прокурора РСФСР обратился и бывший начальник АХО прокуратуры ТАССР Яманов, который в числе прочего сообщал и о нечистоплотности Надеева. По словам Яманова, он незаконно отпускал со склада прокуратуры Надееву все, что тот просил (продукты, материалы), и вел об этом записи. Начальник АХО при этом утверждал, что себе он ничего не брал – «ни щепки, ни одной копейки»!

По результатам проверки по указанию Генерального прокурора СССР были уволены 15 работников прокуратуры Татарской республики – в связи с арестом, по различным компрометирующим основаниям.

27 февраля 1950 г., во исполнение приказа Генерального прокурора СССР от 17 февраля 1950 г., Надеев сдал дела М.И.Березову, заместителю прокурора Татарской АССР.

В постановлении 23-й Татарской областной конференции ВКП(б) в марте 1950 г. указывалось, что Надеев допустил засорение органов прокуратуры сомнительными людьми, поддерживал подхалимов, недобросовестно относился к своим прямым обязанностям и нанес серьезный ущерб делу укрепления социалистической законности.

Одновременно шла и проверка Министерства внутренних дел Татарской АССР, министра Ченборисова. В отношении него поступали сигналы о

неправильных действиях, в том числе и устные сигналы от подчиненных. Министр был вынужден отказаться от переезда в дом-особняк, который ремонтировался по договору между стройотделом ХОЗО МВД ТАССР и Свердловским райжилуправлением. В результате в дом переехал начальник ХОЗО МВД, а его квартиру передали родственнице министра. Эти действия Ченборисова вызвали недовольство среди отдельных руководящих работников МВД ТАССР. За эти и другие нарушения Ченборисов был снят с работы и исключен из партии.

Вопрос о нарушении советской законности в работе судебно-следственных органов Татарской АССР был обсужден на бюро КПК при ЦК ВКП(б) 3 мая 1950 г. 12 июля 1950 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О нарушении советской законности в работе органов прокуратуры, МВД и Верховного суда Татарской АССР».

28 июня 1950 г. на бюро Татарского обкома обсудили вопрос: «О недостатках в работе Верховного суда Татарской АССР», и 26 июля 1950 г. вопрос – «О крупных недостатках в работе Министерства юстиции Татарской АССР». Большое число работников прокуратуры, милиции, юстиции, судебно-следственных органов были исключены из партии.

В журнале «Социалистическая законность» (№ 7, июль 1950 г.) в передовой статье заместителя Генерального прокурора СССР В. Болдырева было отмечено: «Прокурор республики Надеев и его заместитель Ривкин, ныне снятые с работы, создали в прокуратуре обстановку самоуспокоения, благодушия, подхалимского восхваления друг друга. Самокритика там не была в почете. И как результат – серьезные упущения и провалы в работе».

В августе 1950 г. на заседании ЦК ВКП(б) под председательством Маленкова заслушивался прокурор

Союза ССР Г.Н. Сафонов. Он давал объяснения по делу Надеева. Сафонов держал ответ перед ЦК – почему на такую ответственную должность, как прокурор автономной республики, мог попасть морально нечистоплотный тип, который дошел до получения взятки. Сафонову был объявлен выговор за плохой подбор руководящих кадров.

И.С. Надеев был арестован 8 июня 1950 г. Кроме И.С. Надеева, из юристов были арестованы: Д.С.Губерман, старший следователь прокуратуры ТАССР, А.В.Сергеев, член Верховного суда ТАССР, Ш.З.Абдулхаев, народный судья второго участка Бауманского района г. Казани, А.Г.Чернышева, народный судья третьего участка Свердловского района г. Казани, А.М.Москалева, народный судья второго участка Кировского района г. Казани, М.В.Чернышев, адвокат Молотовской юридической консультации. В качестве посредников, взяткодателей проходили: Ф.Х.Яруллина, Г.Л.Михалев, В.В. Гришкан (супруга В.М.Гришкан), М.З.Мануилова (супруга соучастника В.М.Гришкан – Г.Р.Мануилова), Г.И. Бензиевский (старший инспектор Госхлебинспекции ТАССР), Л.Г. Расин (начальник снабжения артели «Ремонт обуви»), В.Е.Кустовский, Г.Р. Мануилов. Большинство из них признали свою вину в предъявленных обвинениях. Суд впоследствии осудил их к различным срокам лишения свободы – от трех до десяти лет.

Остановимся более подробно на личностях посредника Михалева и его жены Яруллиной – именно они были наиболее близко и тесно связаны с прокурором республики Надеевым.

Михалев Григорий Львович, 1906 г. рождения, еврей, в 1940 г. был осужден по статье 117 УК РСФСР (за получение взятки!) к 5 годам лишения свободы, наказание отбыл. Перед

арестом в 1950 г. он работал главным инженером лагеря МВД ТАССР № 1.

Михалев и его жена Яруллина были в близких отношениях с прокурором ТАССР Надеевым. Михалев неоднократно пользовался служебным автомобилем прокурора республики. Он в любое время приходил в прокуратуру и беспрепятственно заходил в кабинет Надеева. Машину прокурора республики использовала в личных целях и Яруллина. Она работала начальником жилищного управления Бауманского района Казани и в отношении нее расследовалось уголовное дело по фактам многократных обменов ею своих квартир и квартир своих родственников. Наверняка, не без участия Надеева, это расследование растянулось на пять лет, и Яруллиной обвинение по нему не предъявлялось.

Сигналы о злоупотреблениях начальника жилищного управления Бауманского райисполкома Яруллиной, ее сестры Князевой (начальника жилищного управления Молотовского райисполкома) в органы милиции поступали давно. Еще в начале 1946 г. управление милиции г. Казани поставило перед Казанским горкомом партии вопрос о привлечении Яруллиной и Князевой к уголовной ответственности. В марте 1946 г. материалы о Яруллиной и Князевой из городского управления милиции были переданы в прокуратуру г. Казани, оттуда – прокурору Бауманского района. Последний передал их в Бауманский райком партии. В сентябре 1947 г. в райкоме взяли объяснение у Яруллиной, но ход материалам дан не был.

2 июня 1947 г. на бюро Казанского горкома партии было заявлено, что начальник жилищного управления Бауманского района Яруллина допускает злоупотребления. Горком поручил Бауманскому райкому партии проверить компрометирующие Яруллину

материалы. Однако никакого расследования снова не было проведено.

В ноябре 1948 г. управление милиции г. Казани снова поднимает вопрос о привлечении Яруллиной к уголовной ответственности – уже за новые преступления. Но делу снова не дают хода. Интересно, что в начале 1950 г. это дело обнаружили в сейфе бывшего министра внутренних дел Татарской АССР Ченборисова, где оно находилось в последнее время. Лишь после этого материалы в отношении Яруллиной пошли в Москву и попали к следователю прокуратуры СССР Булаеву. Как видим, у Яруллиной были очень высокие покровители.

Профессор юридического факультета Казанского университета, доктор юридических наук Борис Леонидович Железнов в то время работал помощником прокурора Татарской АССР по уголовно-судебному надзору. Он запомнил прокурора Надеева как умного, делового, достаточно жесткого руководителя. Надеев пользовался авторитетом и уважением, хорошо выстроил работу аппарата, входил в состав бюро Татарского обкома партии. И то, что произошло с Надеевым, всех потрясло. Многих удивило, как Надеев вел себя в судебном заседании. Он пытался притвориться психически больным, во время суда совершал неприличные действия.

Борис Леонидович только сегодня признался, что он тоже имел определенное отношение к делу Гришканов. Его тогда вызывали к следователю Булаеву, но Железнов промолчал: мол, ничего не знаю. А дело было так. Когда судья Абдулхаев вернул уголовное дело по обвинению Гришканов на дополнительное расследование для переквалификации, и на это определение принес частный протест прокурор района Николаев, то дело в прокуратуре республики попало к Железнову. Он изучил толстое дело и пришел к

выводу: Абдулхаев прав, тут, безусловно, хищение, и надо переqualифицировать действия обвиняемых. Железнов пошел с докладом к Надееву и предложил снять с рассмотрения, то есть отозвать как необоснованный протест Николаева. Надеев тут же вызвал следователя Губермана. Тот очень возмутился и резко набросился на Железнова. Губерман знал отца Железнова и даже сказал: «Я удивляюсь, что у такого хорошего отца вырос такой сын». Железнова же удивило, что Губерман перешел на личности. Надеев прекратил спор и мягко сказал Железнову: «Оставьте дело у меня. Мы его обсудим и решим». Впоследствии дело передали Сунгатуллину и он пошел в Верховный суд поддерживать протест районного прокурора Николаева. Вот такое «признание» сделал через многие годы Б.Л. Железнов. И эти его слова, безусловно, говорят о заинтересованности Надеева и Губермана, подтверждают их вину.

Отметим, что 10 июля 1950 г. Генеральный прокурор СССР снял Сунгатуллина с должности начальника следственного отдела прокуратуры ТАССР и уволил его из органов прокуратуры за беспринципность и нарушение служебного долга – за то, что тот подписал постановление о переqualификации действий обвиняемых Гришкан и других по статье 109 УК РСФСР, и утвердил обвинительное заключение с неправильной и незаконной квалификацией преступления.

То, что произошло с Надеевым, уронило престиж всей прокуратуры. Как заявил руководитель партийной организации Татарской республики на одном из совещаний, «у нас прокуратура сегодня хуже самой плохой адвокатуры».

Оценка прокуратуры республики была перенесена и на районы. Например, первый секретарь Дрожжановского райкома партии Шарапов, приехав из Казани с партийной конфе-

ренции, объявил партийному активу о поступках прокурора ТАССР Надеева, и добавил, что такие же факты передались и в районную прокуратуру, что прокурор района Хорьков также смазывал дела настоящих преступников, допускал незаконные аресты, имел связь с преступниками, не подчинялся райкому, и так далее. Бюро райкома 19 апреля 1950 г. приняло решение о невозможности оставления Хорькова на должности районного прокурора. После длительной проверки Хорькова оставили на работе, с учетом признания им отдельных ошибок⁷.

Авторитет прокуратуры упал до такой степени, что заместитель прокурора ТАССР Беляев в 3 квартале 1950 г. два раза созывал совещание, но новый министр внутренних дел ТАССР демонстративно отказался прийти на эти совещания.

Как вспоминает тот же Железнов, после возвращения из лагеря Надеев предъявил к родной прокуратуре иск – о взыскании стоимости материала на пошив форменного обмундирования за пять лет. Тогда прокурорам выдавали отрезки ткани, чтобы сшить форму. Надеев, видимо, в какие-то годы не получал эти отрезки. Это обстоятельство опять удивило прокурорских работников и многим не понравилось поведение бывшего прокурора республики.

Еще один интересный нюанс вспомнил Б.Л. Железнов. Одна из осужденных по делу, судья Чернышева, так ударно работала в лагерях (говорят, на строительстве Волго-Донского канала), что была награждена орденом Ленина, и как говорили в таких случаях, искупила свою вину.

Такова история. В ней бывают и светлые, и позорные страницы. Надо одинаково рассказывать и о тех, и о других, не приукрашивая историю. В том числе и для того, чтобы такие личности не попадали на высокие должности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив РТ. Фонд Р-5799, опись 1, дело 11. Казанский институт советского права. Отчет об учебной деятельности института за 1933–1934 годы. С. 45.

² Архив прокуратуры Республики Татарстан. Личное дело прокурора ТАССР Надеева И.С.

³ «Социалистическая законность». – 1949, № 4. – С. 45–46.

⁴ *Валиев А.Х.* Мой век. Казань, Центр инновационных технологий. – 2006. – С. 13–19.

⁵ Партархив Татарского обкома ВКП(б). Фонд 15, опись 6, дело 1564. Протокол № 120 заседания бюро Татарского обкома ВКП(б) и материалы к нему. Том 1. 1949 г.

⁶ *Каменский Ф.* Следователь по важнейшим делам // Социалистическая законность. 1949. № 11. С. 34–37.

⁷ Партархив Татарского обкома КПСС. Фонд 15, опись 6, дело 2007. Документы... о проверке жалобы... Хорькова А.Е. 1950 г.

Аннотация

В статье на основании архивных и иных материалов рассказывается об уголовном деле по обвинению прокурора Татарской республики И.С.Надеева и группы работников органов прокуратуры, юстиции, осужденных в 1950 г. за взяточничество.

Ключевые слова: история органов прокуратуры Татарской республики, И.С. Надеев, дача – получение взятки.

Summary

In article on the basis of archival and other materials is told about criminal case on charge of Nadeev I.S, group of prosecutors, justice convicted in 1950 for bribery.

Keywords: History of bodies of Prosecutor's Office of the Tatar Republic; Nadeev I.S. giving – receiving a bribe.